

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

ВКЛАД ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается роль Петра Великого в процессе социокультурного взаимодействия России с Китаем и Японией в начале XVIII века. Вклад Петра в этот процесс поистине неоценим. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи. В этот период благодаря усилиям Петра стала активно развиваться русско-китайская торговля, в России возник интерес к китайскому искусству, появилось большое количество китайских изделий. Личный интерес Петра I к Японии во многом обусловил дальнейшее развитие российско-японских связей и возникновение японоведения в нашей стране. В статье впервые осуществлен комплексный анализ этой проблемы, поставлен ряд вопросов теоретико-методологического характера, определено место Петровской эпохи в процессе социокультурного взаимодействия России со странами Восточной Азии. Актуальность темы обусловлена необходимостью более глубокого изучения истории междивилизационного диалога.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Петр I, Россия и страны Восточной Азии, Китай, Япония, социокультурное взаимодействие, русско-китайская торговля, шинуазри, Дэмбэй

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: Социокультурная интерпретация и адаптация».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху Петра Великого произошли кардинальные изменения в геополитическом положении России и ее статусе на мировой арене, обусловленные «тем великим обновлением, которое дали России реформы Петра I и его успехи в упрочении позиций вчерашней Московии на берегах Балтийского и Черного морей» [9: 262]. Россия начала приобретать статус великой державы. При этом Петр I не только «прорубил окно в Европу», но и значительно расширил связи России со странами Востока, включая Китай, тем самым сделав Российскую империю поистине евразийской державой.

При Петре I в России впервые всерьез заинтересовались странами Восточной Азии. По его инициативе произошло качественное изменение характера русско-китайских отношений и наступил длительный (продолжительностью около 200 лет) период мирного сосуществования двух соседних империй. Начало Петровской эпохи со-

впало с подписанием русско-китайского Нерчинского договора 1689 года, а завершились развернутые им дипломатические контакты с Цинской империей подписанием Кяхтинского трактата в 1727 году, уже после кончины императора. При Петре в России появились первые японцы и первые сведения о Корее.

Особо следует отметить то, что в Петровскую эпоху интенсифицировались процессы социокультурного взаимодействия России не только с Европой, но и со странами Востока. При этом восприятие в России Китая и других стран Восточной Азии происходило не только напрямую, но и через посредство Запада, что обусловило особый характер социокультурного взаимодействия.

СТАДИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Имеющиеся в настоящее время результаты исследований и сформулированные теоретические подходы позволяют с уверенностью го-

ворить о том, что изучение отношений России со странами Восточной Азии возможно не только в русле традиционной парадигмы межгосударственных отношений, но и с позиций воздействия на эти отношения факторов социокультурного характера. В ряде ранее опубликованных нами работ была предложена и подробно рассмотрена возможность изучения и анализа истории отношений России и Китая в XVII – начале XX века с точки зрения взаимодействия двух социокультурных суперсистем, а также разработан теоретический подход к периодизации данного процесса [10], [11]. В настоящей статье мы остановимся на характеристике некоторых форм указанного процесса, относящихся ко времени правления в России императора Петра Великого.

Как отмечалось в упомянутых выше работах, *стадия индифферентного взаимодействия* в истории российско-китайских социокультурных контактов приходится на период, предшествующий XVII веку. В ту эпоху такие контакты носили спорадический характер, отсутствовали устойчивые коммуникационные каналы. Не было социальных, политических, культурных или торговых стимулов для развития подобного рода связей. *Стадию идентификации* можно отчетливо проследить на протяжении XVII столетия. Первые русские посольства в Китай и первые контакты между людьми убедительно показали глубокие различия двух социумов и культур. В этой ситуации можно с уверенностью говорить о том, что именно дипломатические миссии играли роль посредников между двумя принципиально разными социокультурными суперсистемами, становясь трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия двух цивилизаций. На этой стадии происходит длительный процесс узнавания иной социокультурной системы. Развивающиеся государственно-политические, дипломатические и торгово-экономические связи приводят к потребности лучше узнать и понять партнера, с которым имеешь дело. Стадия идентификации в данном случае завершается в начале XVIII века. Ключевым пунктом здесь, как нам представляется, становится Кяхтинский договор 1727 года, предопределивший характер российско-китайских отношений на длительную историческую перспективу. С этого момента процесс социокультурного взаимодействия России и Китая вступает в *стадию активации*.

Таким образом, время правления Петра Великого приходится как раз на период перехода от стадии идентификации к стадии активации социокультурного взаимодействия России и Китая, и заслуга императора состоит в том, что в начале

XVIII века данный процесс интенсифицировался в значительной мере благодаря его реформам и конкретным действиям. Что же касается социокультурного взаимодействия России с Японией, то именно деятельность Петра I стимулировала переход в стадию идентификации.

ТОРГОВЛЯ РОССИИ С КИТАЕМ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ

Начало царствования Петра I совпало с установлением договорно-правовых отношений между Россией и Китаем: в 1689 году между двумя государствами был заключен Нерчинский договор. И хотя его условия оказались весьма невыгодными для русской стороны, поскольку России пришлось пойти на существенные территориальные уступки Цинской империи, историческое значение этого документа может быть в полной мере оценено лишь с учетом исторической перспективы. Этот договор, долгое время рассматривавшийся лишь с внешнеполитических и юридических позиций, представляет собой образец своеобразного социокультурного компромисса – компромисса двух цивилизационных мировосприятий, отражавших специфику столь разных культур. В результате Россия получила документ, знаменовавший установление договорных отношений с дальневосточным соседом. Ничто больше не препятствовало хозяйственному освоению не только Сибири, но и российской части Дальнего Востока. Лишившись на определенное время приамурских земель, Россия продолжала развиваться как азиатская и тихоокеанская держава. Но самое главное, и это отмечали современники, Нерчинский договор почти на 200 лет обеспечил мир на Дальнем Востоке и, выражаясь современным языком, зложил основы системы региональной безопасности. В тексте Нерчинского договора было четко сказано: «А войны и кровопролития с обеих сторон... не всчинать»¹, то есть любые конфликты и недоразумения должны были разрешаться исключительно путем переговоров. В течение последующих двух веков России приходилось вести войны практически со всеми своими соседями, а на границе с Китаем не было серьезных конфликтов вплоть до конца XIX века. Цинская империя также объективно выиграла от установления мира в данном регионе. Этот факт можно считать главным результатом межцивилизационного компромисса, достигнутого в 1689 году в Нерчинске. Следует отметить, что Петр I неоднократно высказывался о необходимости строгого соблюдения Нерчинского договора, чтобы не было «договорным статьям нарушения» и «с Китайским государством ссор не чинили»².

После подписания Нерчинского договора между Россией и Китаем стали развиваться регулярные торговые отношения. В его тексте говорилось о том, что подданным обоих государств разрешалось свободно вести торговлю:

«Каким-либо не есть людям с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно да повелено будет»³.

Основными центрами российско-китайской торговли на русской территории в это время становятся Нерчинск и Селенгинск, а позднее Кяхта. Решающее значение приобретает караванная торговля, при этом торговля некоторыми китайскими товарами, прежде всего ревенем, табаком, золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями, становится государственной прерогативой и служит существенным источником пополнения казны.

После заключения Нерчинского договора инициатива налаживания контактов по-прежнему оставалась за Россией, и в марте 1692 года по царскому указу в Китай отправилось посольство во главе с голштинцем Избрантом Идесом. По возвращении Идес был принят русскими царями Петром и Иваном и доложил им о выгодах и перспективах развития торговли с Китаем. В Пекине посол получил согласие цинского императора Канси на посылку русских караванов в Китай, после чего караванная торговля обрела регулярный характер.

Для увеличения поступлений в казну Петр принял решение о сосредоточении торговли с Китаем в руках государства и установил государственную монополию на «китайский торг». Царским указом 1697 года вводилась монополия на ценнейшие виды пушнины (соболь и чернобурая лисица) и устанавливался жесткий контроль за этим. В указе Петра I о посылке в Сибирь для контроля за караванной торговлей стольника князя В. И. Гагарина говорилось:

«Да ему ж, князь Василью, будучи в Сибири, смотри всякого воровства, чтоб нигде виннаго куренья и продажи заповедной мяжкой рухляди, соболей, пупков соболевых и лисиц черных и чернобурых, и никакова ни в чем воровства нигде отнюдь не было. А буде где явитца, и о том сыскивать же всякими сыски накрепко и чинить им указ против ево великого государя о том посланных указов, чтоб то воровство всеконечно искоренить. А что у кого какой заповедной мяжкой рухляди или иных каких заповедных товаров где вынято будет, и то все присылать к Москве»⁴.

Частным лицам разрешалось направлять свои товары в Китай только в составе казенных караванов, вводились новые таможенные прави-

ла. Однако в первые годы XVIII века, несмотря на ограничения, частная торговля с Китаем продолжала доминировать. Конкретными вопросами организации торговых караванов и перепиской с Лифаньюанем ведали местные сибирские воеводы (см. например: Лист нерчинского воеводы П. С. Мусина-Пушкина в Лифаньюань об отпуске из Цинской империи русских торговых караванов через Нерчинск от 31 декабря 1705 г.⁵).

В январе 1706 года царским указом было запрещено русским купцам совершать поездки в Цинскую империю без разрешения на то Сибирского приказа: «А тем людям, которые явятца в Китаех или с китайскими товары потому ж без всякие пощады учинена будет смертная казнь»⁶. Июньским указом 1706 года частная торговля была полностью запрещена:

«...под прещением смертныя казни, чтоб ни за какими нашими великого государя делами в Китаи торговых и служилых, и за границу нашего царского величества ни для какова промыслу русских людей без нашего великого государя указу отнюдь не отпущать ни которыми делы, и для проезду в Китаи никаких писем им не давать»⁷,

что еще более укрепило государственную монополию, поставило под контроль правительства столь выгодную сферу внешней торговли и ограничило возможности незаконной торговли. Однако следует заметить, что регламент соблюдался не слишком строго, и доля частных товаров в общей структуре караванной торговли была по-прежнему весьма велика. Кроме того, русско-китайская торговля велась на территории Монголии, в то время входившей в состав Цинской империи, и товары, принадлежавшие частным лицам, проникали в Пекин самыми разными путями.

Непосредственное руководство русско-китайской торговлей и организация казенных караванов, а также контроль за соблюдением государственной монополии сосредотачивались теперь в Сибирском приказе. Караваны на некоторое время стали единственным разрешенным каналом обмена товарами между Россией и Китаем, но отправлялись они нечасто, поскольку их путь из Москвы (а в дальнейшем – из Санкт-Петербурга) до Пекина и в обратном направлении занимал около двух лет. Возглавлялись они обычно пользовавшимся доверием правительства лицом, с которым из России в Китай следовали правительственный комиссар, четыре целовальника, гвардейский офицер с военной охраной в составе 100 казаков [6: 174]. Еще в 1694 году цинское правительство ограничило число прибывающих с караваном в Китай – 200 человек, приравняв русские караваны к тем,

что приезжали из Джунгарии. С 1698 по 1718 год в Китай было направлено всего 10 торговых караванов⁸. Основным товаром, ввозившимся в Китай казенными караванами, была традиционная для русского экспорта того времени пушнина, и ее однозначно следует признать ключевым компонентом всей русской торговли рассматриваемого периода, что, в свою очередь, оказало воздействие на процессы социокультурного характера. Практически неограниченный ввоз пушнины в Китай создавал в Цинской империи вполне определенный образ России как страны холодной, где в дремучих лесах водятся много пушных зверей, а, для того чтобы согреться, жители постоянно пользуются мехами⁹. Среди различных видов пушных зверей, шкурки которых казенные караваны везли в Китай, первое место в течение долгого времени удерживал соболь. Это объяснялось красотой и прочностью его меха и, соответственно, высокой ценой. Второе место среди так называемой мягкой рухляди принадлежало шкуркам лисицы (особенно дорого ценились чернубурки). Далее следовали горностай и ласка. Кроме того, заметное место в российском пушном экспорте в Цинскую империю занимали меха бобра, зайца, куницы и позднее белки (вывоз беличьих шкурок в Китай заметно вырастет во второй четверти XVIII века, когда резко сократится количество дорогих пушных зверей).

Современные историки отмечают, что в конце XVII века, как раз накануне воцарения Петра Великого, русский меховой экспорт столкнулся с изменениями мировой экономической конъюнктуры: в Западной Европе впервые за многие годы сократился спрос на русскую пушнину. Это было обусловлено тем, что, во-первых, европейские мануфактуры начали в большом количестве производить качественные шерстяные ткани, во-вторых, были налажены поставки в Европу пушнины (прежде всего меха бобра) из Канады. России в сложившейся ситуации пришлось искать для своего пушного экспорта новые рынки сбыта, и выход был найден в виде необъятного китайского рынка [7].

Основную часть ввозимых в Россию из Китая товаров при Петре I составляли шелковые ткани, в особенности «камка» (кит. 织锦缎 *чжицзиньдуань*) – двусторонняя тонкая узорная шелковая ткань с цветочным рисунком, образованным атласным переплетением нитей, на матовом фоне. Спрос на эти ткани в России того времени даже стимулировался административными мерами. В 1717 году для ускорения реализации привезенных из Китая тканей и стимулирования русско-китайской торговли Петром I было подписано распоряжение: «...никакого золота и серебра пряденаго и волоченаго

не носить, а носить только китайские из Сибири шелковые материи»¹⁰. Также в петровское время значительно увеличился ввоз китайских хлопчатобумажных тканей, получивших в России названия «китайка» и «даба». Даба – это хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения типа бязи или холста, отбеленная или крашенная преимущественно в синий цвет, которая пользовалась большим спросом у населения Сибири [20]. Китайка – ткань с рисунком или узорами, которые вплетаются в нее с помощью специального ткацкого станка, появилась в Китае еще при династии Тан (VII–X века н. э.), где для производства такой материи были придуманы ткацкие станки, позволявшие создавать ткани со сложными узорами. В нашу страну такая ткань попала именно из Китая, и этим объясняется ее русское название. При Петре китайку начали массово завозить в Россию, и она пользовалась популярностью не только у населения Сибири, но даже при дворе. Под влиянием такого активного спроса стало развиваться и отечественное производство подобных тканей, которое к началу XIX века позволило не только полностью отказаться от импорта, но и начать экспортировать китайку в другие страны, включая Китай. В дальнейшем больше всего российской китайки производилось в Костромской губернии, где крупнейшей фабрикой владел предприниматель из города Вичуга Петр Коновалов¹¹.

2 марта 1711 года Петр I, решив расширить масштабы торговли с Китаем, пошел на то, чтобы передать часть торговли с Цинской империей в частные руки, поощряя при этом расширение ассортимента товаров («торг китайской, зделав компанию добрую, отдать»)¹². Эти же вопросы нашли отражение в приговоре Сената об организации компании для торговли с Китаем¹³ и в письме Петра I Сенату от 1 сентября 1711 года по поводу неправильного исполнения его указа о передаче торговли с Китаем частной компании¹⁴, а также в распоряжении сибирскому губернатору М. П. Гагарину предоставить сведения о русско-китайской торговле¹⁵. Подключение к торговле частников-коммерсантов было призвано придать новый импульс внешнеэкономическим операциям. Эти меры способствовали расширению русского экспорта и одновременно поощряли ввоз в страну драгоценных металлов и необходимых изделий [16].

Активизация русско-китайских торговых связей сопровождалась указами Петра и действиями соответствующих правительственных учреждений, стимулировавшими интерес к китайским шелковым и хлопчатобумажным тканям, фарфоровым изделиям, а в дальнейшем и к китайскому чаю, что дало толчок к возникновению

собственного производства аналогичных тканей и фарфора, развитию чаеоторговли. Таким образом, деятельность Петра I повлекла за собой процессы социокультурного порядка.

КИТАЙСКОЕ ИСКУССТВО В РОССИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Развитие русско-китайской торговли и наполнение российского рынка китайскими товарами стимулировали зарождение интереса к китайскому искусству, что также было обусловлено эстетическими представлениями, формировавшимися в России начала XVIII века под воздействием идей, приходивших из Западной Европы. В то время в Европе возникло своеобразное течение, инкорпорировавшее элементы китайского (шире – восточноазиатского) искусства в европейскую архитектуру, прикладное искусство и интерьеры. В Голландии началось производство фаянса, подражавшего китайскому фарфору, французский фаянс расписывался «на восточный манер». В Европе возникла мода на «китайские» кабинеты, украшенные лаковыми панно и китайской живописью (как подлинной, так и подражаниями). Это течение в западноевропейском искусстве, получившее название *chinoiserie* («шинуазри», «китайщина»), обусловило возникновение у европейцев искаженно-романтизированного представления о Китае как о некоей экзотической стране, где жизнь народа такова, как она изображается на шелковых обоях, лаковых панно и фарфоровых вазах. Китайские мастера, в свою очередь, потакая подобным увлечениям, часто сами изготовляли произведения декоративно-прикладного искусства в соответствии со вкусами и желаниями европейцев. По заказам из Европы в Китае производились не только фарфоровые изделия с традиционными китайскими вариантами росписи, но и копии европейских гравюр, окруженные китайским орнаментом и портретами европейцев, весьма своеобразно изображенными китайскими мастерами. Ярким примером здесь могут служить так называемые кантонские расписные эмали конца XVII–XVIII веков, многие из которых являлись вариантами переработки европейских прототипов, значительное количество которых в то время попадало и в Россию, где они также пользовались популярностью [1]. Образцы этих эмалей («горшечек золотой с финифтью», «чашка золотая финифтная», «коробочка золотая финифтная») были переданы в подарок Петру Великому цинским императором Канси через посла Л. В. Измайлова, что подтверждает роспись врученных ему даров¹⁶.

В эру правления Канси в Китае под влиянием западноевропейского искусства и при участии европейцев в дворцовых мастерских было налажено изготовление фарфоровых табакерок, часов и изделий, украшенных росписью эмалевыми красками, а также стеклодувное производство. Эти изделия и мастерские, где они производились, были продемонстрированы русскому посланнику Льву Измайлову, что подробно описал в своих записках сопровождавший его художник и гравёр Георг Иоганн Унферцатт¹⁷.

Подобные примеры подтверждают наличие активного социокультурного взаимодействия Китая и Запада в XVII–XVIII веках, а некоторые современные искусствоведы даже говорят о появлении в Китае того времени «европейщины» как китайской версии стиля шинуазри. Процесс социокультурного взаимодействия Китая и Европы постепенно переходил из фазы взаимного узнавания в фазу культурной адаптации, охватившую в тот период достаточно ограниченную сферу. В дальнейшем китайская культура оказала влияние на развитие в Европе стиля рококо, а в XIX веке способствовала появлению эклектики в искусстве Запада.

В силу постоянных и интенсивных связей с Западной Европой в петровский и постпетровский периоды русское искусство XVIII века не могло не испытать на себе воздействия шинуазри. Принято считать, что увлечение «китайщиной» началось в России с Петра Великого, хотя отдельные китайские вещи появлялись в русских интерьерах еще во времена царя Алексея Михайловича.

И все же отправной точкой для развития в России интереса к китайским и японским изделиям, безусловно, послужило пребывание Петра I в Голландии. Находясь в этой стране, Петр увидел большое количество китайских и японских фарфоровых изделий повсюду, даже в домах простых людей. В составе Великого посольства он посещал Фарфоровый кабинет дворца Шарлоттенбург в Берлине, китайские комнаты во дворце Шёнбрунн в Вене, а в 1716 году любовался лаковыми комнатами замка Розенбург в Копенгагене. Именно после возвращения из Дании у Петра появилась идея создания аналогичного лакового кабинета в России.

Возвратившись из поездки в Европу, Петр I настолько заинтересовался Китаем и увлекся китайским искусством, что ему буквально не терпелось создать у себя китайский кабинет по образцу тех, что он видел на Западе. Стремясь воспроизвести китайские интерьеры дворцов европейских монархов и голландской знати, Петр I в 1716 году приказал Лоренцу Лангу

привезти из Китая порцелиновые (фарфоровые) печи¹⁸. По распоряжению императора Канси эти печи были изготовлены лучшими мастерами и снабжены надписями на китайском языке. Однако Ланг не успел их доставить вовремя («с ним не поспели те печи»), и этим вопросом в 1717 году занимался уже М. П. Гагарин¹⁹. Из-за задержки Ланга царь дал распоряжение русским живописцам из адмиралтейского ведомства начать работы по созданию «китайского» кабинета в петергофском дворце Монплеизр. Так появились лаковые панно, композиции которых созданы на основе внимательного изучения образцов китайской живописи. Русские мастера достаточно точно воспроизвели предложенные им китайские сюжеты: над камином изображен сад китайского императора, в котором под музыку, исполняемую небольшим оркестром, танцуют изящные девушки, на другом панно можно увидеть сельский пейзаж и работающих крестьян, а над дверью изображен традиционный китайский способ рыбной ловли – с помощью обученного для этой цели баклана. Изделия, позднее привезенные Лангом из Китая, составили основу коллекции Петра I, собранной в Монплеизре. Царь дополнил ее некоторыми фарфоровыми предметами европейского производства, а также редкими японскими образцами, попавшими к нему из Голландии. Видя такое увлечение царя, все, кто был связан с русско-китайской торговлей, старались найти и отправить государю наиболее интересные китайские предметы. Например, 2 февраля 1708 года М. П. Гагарин написал царю: «При сем письме послал к тебе, государю, одеяло хинское, тканое з золотом хинским манером»²⁰. Большой популярностью у царя и его приближенных пользовались всякого рода необычные вещи, ввозимые из Китая:

«Особенный интерес и недоумение вызывали “шары в шаре” из резной слоновой кости. Они привозились в Европу как диковинки, дорогие игрушки и попадали в коллекции курьезов. Среди предметов из кабинета Петра I упоминаются четыре подобных шара» [5: 76].

Показательно то, что Петр I на протяжении всей жизни активно интересовался предметами китайского искусства. По его указанию Лоренц Ланг несколько раз ездил в Китай и привозил оттуда подарки императора Канси – предметы быта и различные диковинки. В дальнейшем они составили основу китайской коллекции Кунсткамеры, а впоследствии и других музеев [3], [4], [8]. По примеру царя российская элита также стала проявлять повышенный интерес к китайским изделиям. Казенные караваны привозили из Китая драгоценные камни, фарфоровую, ме-

таллическую и лаковую посуду, шелковые ткани и обои, красивые безделушки – и все это пользовалось большим спросом среди ближайших соратников Петра и придворных. Китайскими вещами увлекались А. Д. Меншиков, Ф. А. Головин, П. П. Шафиров, Ф. М. Апраксин, Ф. Лефорт. В описях из дворцов первого генерал-губернатора Санкт-Петербурга светлейшего князя А. Д. Меншикова значится большое количество китайских шпалер, тканей и вышивок, а в 1716 году он приобрел «ореховый шкаф с китайской посудой за 100 рублей» [2: 209]. Меншиков, подобно Петру, тонко улавливал основные направления научных и культурных веяний того времени. Создавая свой дворец как своеобразный синтез русского и западноевропейского искусства, он, безусловно, не мог обойти стороной популярный в то время в Европе «китайский стиль», и поэтому ряд комнат во дворце был декорирован расписными шелками восточной работы. Во внутренних помещениях были выставлены предметы искусства и быта, привезенные из Китая или изготовленные в Европе как подражание китайским вещам. В спальне находился праздничный умывальный прибор, состоящий из кувшина и блюда в форме раковины, выполненных из металла с цветной эмалью. Эти вещи были изготовлены в начале XVIII века в мастерских Гуанчжоу по европейскому образцу и попали в Петербург благодаря активной торговле, развернувшейся при Петре I. После того как А. Д. Меншиков попал в опалу и был отправлен в ссылку, среди конфискованных у него вещей оказалось много китайских предметов [6: 192–193].

В создании интерьеров на китайский манер проявился возраставший интерес Петра I и его сподвижников к Китаю, их стремление связать судьбу России не только с Западом, но и с Востоком. Можно согласиться с мнением Р. Березкина о том, что Петр рассматривал появление комнат и кабинетов в китайском стиле как своеобразную часть проекта создания мощной, модернизированной Российской империи:

«Эти комнаты также служили политическим целям, поскольку они отражали связи и влияние новой Российской империи в Европе. В дворцовых интерьерах того периода китайские артефакты были представлены наряду с западноевропейскими предметами, которые вместе воплощали открытость к культурным заимствованиям, характерную для эпохи реформ Петра» [14: 152–153].

В увлечении китайскими вещами не отставали от столичной знати и сибирские администраторы, активно собиравшие коллекции китайского искусства и предметов быта. В описи конфискованного имущества бывшего сибир-

ского губернатора князя М. П. Гагарина (казнен за лихоимство в 1721 году), хранящейся в РГАДА и опубликованной Н. Ю. Болотиной, перечислено несколько сотен китайских предметов (мебель, сундуки, зеркала, посуда, одежда, обувь, ткани, седла, упряжь, ножи, мечи, колокола, три пуда зеленого чая и т. д.), что свидетельствует о широком разнообразии товаров, ввозимых в то время в Россию из Китая, и их большой популярности у тех, кто понимал их ценность [6: 184–192].

Таким образом, в Петровскую эпоху шинуазри становится заметным явлением. С расширением русско-китайской торговли в Россию попадало все больше и больше произведений китайского декоративно-прикладного искусства, которые использовались для украшения интерьеров и в повседневной жизни.

НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И КОНТАКТЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Пробуждению интереса Петра I к Китаю и другим странам Восточной Азии, безусловно, способствовали его поездки в Европу и общение с ведущими учеными. В этой связи прежде всего следует упомянуть имя Н. Витсена. Николаас Витсен (1641–1717) – выдающийся голландский картограф, бургомистр Амстердама (1682–1706), с 1693 года – администратор Голландской Ост-Индской компании. В 1664–1665 годах он впервые посетил Россию в составе свиты голландского посланника Якоба Борейля, после чего написал знаменитый труд «*Moscovische Reyse*» («Путешествие в Московию»). В 1690 году Николаас Витсен прислал в Москву составленную им карту Северо-Восточной Азии от Новой Земли до Китая с посвящением царям Петру и Ивану. Он переслал ее через голландского резидента в Москве Йохана Виллема ван Келлера, приложив разработанный им проект развития торговли с Персией через Каспийское море и с Китаем через Сибирь, и был награжден благодарственной грамотой, скрепленной царской печатью, за то, что «изобразил и поднес нам, великим государем, нашему царскому величеству под именем нашим государским чертеж тех Сибирского и Хинского государств»²¹. Следует отметить, что Витсен при подготовке карты использовал «Чертеж Сибири», составленный Николаем Спафарием, и его описание путешествия в Китай, где помимо Китая упоминались также Япония и Корея, поэтому голландский картограф смог нанести эти страны на свою карту. С тех пор карта Витсена постоянно находилась в личной библиотеке Петра I. В 1692 году Витсен опубликовал книгу «*Noord en Oost Tartarye*» («Северная и Восточная Тартария»), в которой

изложил все имевшиеся в то время у европейцев сведения о северной и восточной частях Азии, включая Монголию, Тибет, Китай, Корею и даже Японию. При подготовке книги он также использовал сочинения средневековых арабских авторов и другие редкие источники. Второе расширенное издание этой книги увидело свет в 1705 году.

Труды Витсена и составленная им карта сыграли важную роль при подготовке и отправке в Китай российского посольства во главе с Избрантом Идесом, который написал по этому поводу следующее:

«Должен признать, что первые представления об этих областях я получил по карте от правящего бургомистра города Амстердама, высокоблагородного и высокопочтенного господина Николая Витсена, чьи заслуги навеки останутся в памяти и в почете всех людей науки и культуры, поскольку он первый познакомил европейский мир со всей Сибирью, странами калмыков, монголов и других орд, расположенными вплоть до самой Китайской стены, и изобразил их на карте, как-то и служила мне путеводителем в моем путешествии и основой к моей последующей карте, приложенной к настоящему труду»²².

В дальнейшем именно Витсен разобрал, отредактировал, перевел на голландский язык и подготовил к публикации записки Избранта Идеса о посольстве в Китай, первоначально написанные им по-немецки²³.

Следует признать, что своим знаниям о Восточной Азии, а также стремлению установить контакты со странами этого региона Петр I во многом был обязан Витсену. Во время Великого посольства царь несколько раз заезжал к нему и привозил с собой данные, полученные русскими экспедициями, а также предметы быта народов Сибири, которые помогали голландскому ученому в научной деятельности. К тому же у себя дома Витсен собрал большую коллекцию ост-индских и античных редкостей, заинтересовавшую Петра I. Тогда же царь посетил «Ост-Индский дом» (*Oost-Indisch Huis*) – резиденцию Голландской Ост-Индской компании в Амстердаме, где были выставлены коллекции китайского и ост-индского оружия, китайские картины и карты, японские фарфоровые изделия. По возвращении домой Петр начал собирать аналогичную коллекцию, которая в дальнейшем легла в основу отечественных музейных собраний восточноазиатских редкостей [4].

Не менее существенную роль в формировании у Петра Великого научного и практического интереса к Китаю сыграл великий немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), ставший советником Петра по вопросам орга-

низации первых научных учреждений России. Лейбниц активно интересовался Китаем, изучая имевшуюся в то время научную литературу, общаясь с возвращавшимися из Китая миссионерами и переписываясь с теми из них, кто в то время находился в пределах Цинской империи. В 1689 году Лейбниц познакомился в Риме с приехавшим из Китая итальянским иезуитом Филиппе-Мария Гримальди, служившим при цинском дворе математиком и астрономом, и, полагая, что тот будет возвращаться в Китай через Россию, хотел через него передать письмо Петру I, однако Гримальди не получил разрешения на проезд по российской территории и был вынужден возвращаться в Китай иным путем²⁴. В одном из писем, адресованных Гримальди, Лейбниц указывал, что Европа и Китай являются двумя дополняющими друг друга половинками цивилизованного мира, а расположенная между ними Россия призвана играть роль своеобразного медиатора – посредника. Известный специалист по китайско-германскому социокультурному взаимодействию Адриан Ся в послесловии к вышедшей под его редакцией книге «Немецкие мыслители о Китае» писал, что, по мнению Лейбница, Китай более преуспел в практической философии, в то время как Европа – в трансцендентальной, поэтому взаимодействие культур необходимо и тем, и другим. По этой причине Лейбниц считал желательным обмен книгами, идеями и даже студентами между Европой и Китаем в целях глубокого проникновения в суть противоположной культуры, и подключение России к этому процессу было желательно и необходимо [15: 376]. Когда Петр пригласил Лейбница принять участие в разработке проектов реформы системы образования в России, увлекавшийся Востоком ученый обратил внимание русского царя на то, что именно в России в силу ее особого географического положения следует развивать востоковедение. Предлагая организовать в Петербурге Академию наук по образу Королевского Прусского научного общества, создателем и президентом которого он являлся, и говоря о необходимости открытия внутри нее учебных заведений, в программы которых можно было бы включить восточные языки, в особенности китайский, Лейбниц также обратил внимание на важность создания хорошей библиотеки восточных книг и рукописей²⁵. Он мечтал о том, что подобная Академия наук появится и в Пекине. В переписке с Петром I Лейбниц несколько раз поднимал вопросы взаимодействия России со странами Восточной Азии. В одном из писем, отправленном 26 октября 1713 года из Вены и опубликованном в XIX веке академиком Петербургской Академии наук П. П. Пекарским (1827–

1872), немецкий ученый писал царю о необходимости устройства «сообщения между Россией и Китаем» сухопутным маршрутом, проходящим по территории России. Он призывал императора «не ограничиваться меною одних товаров, но также знаний и искусств»²⁶.

Петр Великий увлекся многими идеями, которые развивал Лейбниц, и вскоре, благодаря усилиям царя, в России появились первые коллекции китайских старопечатных и рукописных книг, которые были привезены из Пекина Лоренцом Лангом, имевшим на этот счет специальные распоряжения государя. Таким образом, при Петре I и при его личном участии начала создаваться источниковая база отечественного китаеведения.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И ЯПОНИЯ

Как уже отмечалось выше, при Петре I в процессе социокультурного взаимодействия России и Японии наступает стадия идентификации. В этой связи можно полностью согласиться с мнением профессора А. В. Филиппова, который пишет о том, что именно при Петре возникает фаза непосредственных («прямых») контактов русских и японцев, что, безусловно, повлияло на процесс формирования образа Японии в России. Он также отмечает, что Петр I стремился установить отношения с Японией и развивать с ней торговлю. При Петре были заложены основы социокультурного взаимодействия России и Японии и фундамент отечественного японоведения [19: 42].

Петр I многое узнал о Японии в 1697–1698 годах, когда находился с Великим посольством в Нидерландах и трудился на одной из голландских верфей. Он видел торговые корабли Ост-Индской компании, приплывавшие в нидерландские порты из далекой страны, и любовался изящными японскими изделиями из фарфора и лака, которые можно было увидеть в домах горожан. Как уже говорилось, Петр I был знаком с бургомистром Амстердама Н. Витсенем, географом, занимавшимся обобщением материалов плаваний кораблей Голландской Ост-Индской компании к берегам Японии. Все это было очень важно для молодого русского царя, мечтавшего развивать связи России с государствами Восточной Азии, ведь в те времена Голландия была единственной европейской страной, имевшей право направлять свои суда в японский порт Нагасаки и вести там торговлю. Для остальных европейцев Япония оставалась почти неизвестной и загадочной страной, поражающей воображение писателей и мыслителей. О ее несметных богатствах ходили легенды, а привозимые оттуда изделия прикладного искусства вызывали восторг и ценились очень дорого. Немало фантастиче-

ских вещей было написано о Японии в литературе того времени. Можно вспомнить хотя бы знаменитые «Путешествия Лемюэля Гулливера» Джонатана Свифта, где после посещения таких сказочных стран, как Лапута, Бальнибарби, Глаббдробриб и Лаггнегг, Гулливер попадает в Японию, откуда на голландском корабле плывет в Амстердам. Роман Свифта, действие которого относилось как раз к началу XVIII века, подтверждает, что для европейцев того времени Япония находилась где-то на границе сказочного и реального миров. Таким же, одновременно и сказочным, и реальным, казалось европейцам и японское искусство, с которым благодаря голландской торговле смогли познакомиться в европейских странах. Находясь в Нидерландах, Петр I не мог не заинтересоваться далекой дальневосточной страной, о которой в России почти ничего не знали.

Интерес Петра I к Японии вспыхнул с новой силой в 1702 году, когда он впервые встретился с реальным японцем. Произошло это в селе Преображенском под Москвой. Звали японца Дэмбэй, он был матросом с корабля, потерпевшего кораблекрушение у южного побережья Камчатки, родом из города Осака. В Москву его доставил казачий атаман Владимир Атласов. Дэмбэй не могли отправить из России на родину по двум причинам: во-первых, над всеми японцами, покинувшими пределы родной страны, пусть даже не по своей воле, висела угроза наказания, во-вторых, путь в Японию из России еще не был открыт. Царь принял решение о создании первой школы японского языка:

«1702 года, января в 8 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича великия и малыя и белыя России самодержца присланный из Якутского иноземец Денбей ставлен пред великого государя в Преображенском. И великий государь... указал его, Денбея, в Москве учить русской грамоте, где прилично, а как он русскому языку и грамоте навькнет, и ему, Денбею дать в научение из русских робыт человек три или четыре – учить их японскому языку и грамоте» (цит. по: [13: 51]).

Царь постоянно интересовался их успехами, не забывал он и о японском моряке, определив ему «государево жалованье». Тем самым Петр I положил начало преподаванию японского языка в России. Вторично он встречался с Дэмбэем в 1710 году. В том же году Дэмбэй принял православие, получив при крещении имя Гавриил. Он женился на русской девушке, и у них родился сын, который в дальнейшем работал в Петербургской Академии наук.

В 1715 году из Тобольска в Санкт-Петербург прибыл еще один японец – Санима (Санъэмон Санъима), также потерпевший кораблекрушение

у берегов Камчатки в апреле 1710 года и попавший в плен к камчадалам. Из плена его вместе с другими японцами освободил казачий атаман Чириков. После крещения Санима получил имя Иван. В 1719 году Санима имел долгую беседу с российскими чиновниками, которые подробно расспрашивали его о Японии, ее природе, полезных ископаемых, жизни населения. О содержании беседы было доложено Петру I.

Лейбниц, которого очень заинтересовало появление японцев в России, в письме, написанном Петру 12 декабря 1712 года, просил сообщить ему «сведение о японце, которого бурей прибило к берегам Камчатки и о котором будто бы г. Виниус знает обстоятельно (ежели японец еще жив, то можно бы расспросить его самого)»²⁷. Однако не совсем ясно, о ком здесь идет речь: о Дэмбэе или Саниме.

Как отмечал американский историк-востоковед Дж. Ленсен, «обнаружение Дэнбэя стало отправной точкой поисков Японии через Камчатку» [18: 31], его рассказы о преуспевании Японии и ее близости к берегам России «побудили русских купцов и правительство предпринять усилия для установления отношений» [17: 6]. Действительно, японцы, появившиеся в России при Петре I, дали возможность россиянам получить сведения о своей стране из первых уст и положили начало преподаванию японского языка в России. Увлечательные рассказы Дэмбэя и Санимы натолкнули русских мореплавателей и купцов на мысль о необходимости найти морской путь в Японию и начать с ней торговлю. В августе 1714 года корабельный мастер и российский морской агент в Лондоне Ф. С. Салтыков, сын тобольского воеводы С. И. Салтыкова, являвшийся активным сторонником петровских преобразований, направил докладную записку, названную им «Изъявления, прибыточные государству», в которой в том числе обосновал необходимость поисков морского пути из Архангельска в Тихий океан, так как это, по его мнению, могло способствовать расширению морской торговли России и обогащению государства:

«И ежели оной проход до китайских и до епонскаго берегов сыщется свободной, в том будет вашему государству великое богатство и прибыль, потому из всех государств, как из Англии, из Галандии и из иных, посылают в Ост-Индию корабли»²⁸.

Российские посланники, посещавшие Китай, также скрупулезно собирали сведения о Японии. Например, Избрант Идес, описывая порт Тунчжоу (通州), расположенный близ китайской столицы на северном конце Великого канала, определил примерное время плавания оттуда до берегов Японии:

«По словам жителей, в такой джонке за три или четыре дня при попутном ветре они могут достичь Корейского моря, а оттуда в четыре или пять дней опять-таки при благоприятном ветре – Японского государства»²⁹.

Вместе с подарками императора Канси, полученными посланником Львом Измайловым, в России появилось не только много уникальных предметов китайского искусства, но и первые изделия японской работы (лаковые коробочки и шкатулки, фарфоровая посуда и т. д.)³⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вклад Петра Великого в процесс социокультурного взаимодействия России с Китаем и Японией, равно как и с другими странами Востока, поистине неоценим. Своей деятельностью первый российский император заложил основы для создания единого евразийского социокультурного пространства и сформировал парадигму евразийской политики Российской империи.

В Петровскую эпоху не только в России стали больше знать о Китае, но и в Цинской империи заинтересовались Россией. В 1708 году

в Пекине по повелению императора Канси было создано Училище русского языка, что в значительной мере ускорило развитие российско-китайского культурного обмена [12: 76–80]. Китайский историк Ли Суйань отмечает, что с эпохи Петра Великого в России начал расти интерес к Китаю и китайская культура широким потоком устремилась в Россию, однако распространение русской культуры в Китае все еще было ограниченным [21]. Конечно, такой дисбаланс в культурном обмене, на который указывает Ли Суйань, обусловлен причинами социально-экономического и социокультурного порядка. Однако, по нашему мнению, деятельность Петра I по активизации и расширению связей с Китаем была столь велика, а его личный вклад в процессы социокультурного взаимодействия столь значителен, что это также можно отнести к числу факторов, ускоривших с российской стороны процесс социокультурного взаимодействия. Что же касается Японии, то именно интерес Петра к этой стране во многом обусловил дальнейшее развитие российско-японских связей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 10.
- ² Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725 / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. С. 75.
- ³ Русско-китайские отношения. 1689–1916... С. 10.
- ⁴ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 93.
- ⁵ Там же. С. 72–74.
- ⁶ Там же. С. 74–75.
- ⁷ Там же. С. 86.
- ⁸ Там же. С. 15–16.
- ⁹ Там же. С. 572.
- ¹⁰ Цит. по: Трусевич Х. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.). М.: Тип. Г. Малинского, 1882. С. 170.
- ¹¹ Зайцев К. Очерк развития и настоящего положения китаечного производства. Казань: Губ. типография, 1858. 46 с.
- ¹² Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 120.
- ¹³ Там же. С. 122–123.
- ¹⁴ Там же. С. 125.
- ¹⁵ Там же. С. 123–124.
- ¹⁶ Там же. С. 276–277.
- ¹⁷ Там же. С. 571.
- ¹⁸ Там же. С. 174.
- ¹⁹ Там же. С. 177.
- ²⁰ Там же. С. 97.
- ²¹ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / Вступ. ст., пер. и коммент. М. И. Казанина. М.: Глав. ред. восточной лит., 1967. С. 385–386.
- ²² Там же. С. 268–269.
- ²³ Там же. С. 48.
- ²⁴ Там же. С. 312.
- ²⁵ Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому / Авт. предисл. и изд. В. И. Герье. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1873. 372 с.
- ²⁶ Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1862. С. 30.
- ²⁷ Там же. С. 29–30.
- ²⁸ Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1897. С. 86.
- ²⁹ Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695)... С. 205.

³⁰ Русско-китайские отношения в XVIII веке... С. 276–277.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапова Т. Б. Китайские изделия художественного ремесла в русском интерьере XVII – первой четверти XVIII в. (К истории культурных контактов Китая и России в XVII–XVIII вв.) // Общество и государство в Китае: 15-я науч. конф. Т. 2. М.: Наука, 1984. С. 205–211.
2. Арапова Т. Б. Китайские расписные эмали: Собрание Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1988. 292 с.
3. Благодер Ю. Г. Произведения китайского декоративно-прикладного искусства в фондах Кунсткамеры (XVIII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 3 (4). С. 35–37.
4. Благодер Ю. Г. Произведения китайского искусства в дворцовых резиденциях российских правителей XVIII века // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 2 (40). С. 5–8.
5. Благодер Ю. Г. Формирование академических и частных коллекций предметов китайского прикладного искусства в России (XVIII–XIX вв.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, № 2-2. С. 74–82.
6. Болотина Н. Ю. «Еду я для торговаго своего промыслу». Китайские товары в России XVIII в. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 173–210.
7. Волынец А. Как экспорт в Китай сохранил Россию при Петре и Александре I [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://south-insight.com/node/848> (дата обращения 30.01.2021).
8. Меньшикова М. Л. Китайские коллекции при дворе в Петербурге и в Эрмитаже в XVIII в. // Санкт-Петербург – Китай: три века контактов. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 49–67.
9. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.
10. Самойлов Н. А. Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г.: методологические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология, востоковедение, журналистика. 2009. № 1-2. С. 209–214.
11. Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVIII – начале XX в.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13: Востоковедение, африканистика. 2010. № 2. С. 3–15.
12. Су Фэнлин. История культурных отношений Китая с Россией до середины XIX в. // Восток – Запад: Историко-литературный альманах: 2002 / Под ред. акад. В. С. Мясникова. М.: Вост. лит., 2002. С. 52–106.
13. Черевко К. Е. Зарождение русско-японских отношений. XVII–XIX века. М.: Наука, 1999. 256 с.
14. Berezkin R. Chinese objects in Eurasian Empire: On the cultural meaning of Chinese art in Russia in the late 17th – early 18th centuries // Frontiers of History in China. 2018. Vol. 13 (1). P. 127–159.
15. Deutsche Denker über China / Hrsg. A. Hsia. Frankfurt am Mein: Insel Verlag, 1985. 392 s.
16. Foust C. M. Muscovite and Mandarin: Russia's trade with China and its setting, 1727–1805. Chapel Hill (N. C.): University of North Carolina Press, 1969. 424 p.
17. Lensen G. Report from Hokkaido: The remains of Russian culture in Northern Japan. Hakodate: Municipal Library of Hakodate, 1954. 216 p.
18. Lensen G. The Russian push toward Japan: Russo-Japanese relations, 1697–1875. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1959. 553 p.
19. Philippov A. V. A glimpse of Japan in Old Russia – How to find ways and means to trade // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: Материалы конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. С. 42–46.
20. 殷剑平。早期的西伯利亚对外经济联系。哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 1998。 242 页。(Инь Цзяньпин. Внешнеэкономические связи Сибири в ранний период. Харбин: Хэйлунцзян жэньминь чубаньшэ, 1998. 242 с.)
21. 李随安。洪流与溪涧: 中俄文化交流的不平衡问题 // 中俄关系的历史与现实。开封: 河南大学出版社, 2004。 页117–132 (Ли Суйань. Бурный поток и маленький ручеек: проблемы дисбаланса во взаимодействии культур России и Китая // История и современное состояние китайско-российских отношений. Кайфэн: Хэнань дасюэ чубаньшэ, 2004. С. 117–132).

Поступила в редакцию 08.02.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Nikolay A. Samoylov, Dr. Sc. (History), Professor, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1361-0847; n.samoylov@spbu.ru

**PETER THE GREAT'S CONTRIBUTION TO THE SOCIO-CULTURAL INTERACTION
BETWEEN RUSSIA AND EAST ASIAN COUNTRIES**

Abstract. The article examines the role of Peter the Great in the process of socio-cultural interaction of Russia with China and Japan at the beginning of the XVIII century. His contribution to this process was truly invaluable. Through

his activities, the first Russian emperor laid the foundations for the creation of a unified Eurasian socio-cultural space and formed the paradigm of Eurasian policy of the Russian Empire. During this period, Russian-Chinese trade began to develop actively bringing a large number of Chinese goods to Russia and generating a keen interest in Chinese art. Peter's personal attention to Japan largely determined the further development of Russian-Japanese relations and the emergence of Japanese studies in Russia. The novelty of the article lies in the fact that it presents the first comprehensive analysis of the problem, raising theoretical and methodological issues and determining the place of Peter the Great's era in the process of socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries. The Relevance of the topic today is due to the need for a deeper study of the history of the inter-civilizational dialogue.

Key words: Peter the Great, Russia and East Asian countries, China, Japan, socio-cultural interaction, Russian-Chinese trade, chinoiserie, Dembei

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 "Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation".

Citation: Samoylov, N. A. Peter the Great's contribution to the socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658

REFERENCES

1. Арапова, Т. Б. Chinese decorative arts in Russian interior decorating from the XVII to the early XVIII century. (The history of cultural contacts between China and Russia in the XVII and XVIII centuries). *15th research conference "Society and State in China"*. Vol. 2. Moscow, 1984. P. 205–211. (In Russ.)
2. Арапова, Т. Б. Chinese cloisonné in the State Hermitage Museum collection. Moscow, 1988. 292 p. (In Russ.)
3. Blagoder, Yu. G. The products of Chinese arts and crafts in Kunstkamera funds (XVIII century). *History, philosophy, politics and law, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2009;3(4):35–37. (In Russ.)
4. Blagoder, Yu. G. Works of Chinese art in the palaces of Russian emperors of the XVIII century. *Cultural Studies of Russian South*. 2011;2(40):5–8. (In Russ.)
5. Blagoder, Yu. G. Formation of academic and private collections of Chinese applied art objects in Russia (17–18th centuries). *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2009;151(2-2):74–82. (In Russ.)
6. Bolotina, N. Yu. "I travel on my trade business": Chinese goods in eighteenth-century Russia. *Historical Archive*. 2006;4:173–210. (In Russ.)
7. Volynets, A. How exports to China preserved Russia under Peter the Great and Alexander I. Available at: <https://south-insight.com/node/848> (accessed 30.01.2021). (In Russ.)
8. Menshikova, M. L. Chinese collections at court in Petersburg and in the Imperial Hermitage in the XVIII century. *Saint Petersburg – China: three centuries of contacts*. St. Petersburg, 2006. P. 49–67. (In Russ.)
9. Myasnikov, V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Moscow, 1980. 312 p. (In Russ.)
10. Samoylov, N. A. Periodization of the history of Sino-Russian socio-cultural interaction (before 1917): methodological approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9: Philology. Asian Studies. Journalism*. 2009;1-2:209–214. (In Russ.)
11. Samoylov, N. A. Russia and China between the XVIII and the early XX centuries: tendencies of interaction and mutual influence. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13: Asian Studies. African Studies*. 2010;2:3–15. (In Russ.)
12. Su, Fenglin. History of China's cultural relations with Russia until the middle of the XIX century. *East – West: Historical and literary almanac: 2002*. (V. S. Myasnikov, Ed.). Moscow, 2002. P. 52–106. (In Russ.)
13. Cherevko, K. E. The origin of Russian-Japanese relations. XVII–XIX centuries. Moscow, 1999. 256 p. (In Russ.)
14. Berezkin, R. Chinese objects in Eurasian Empire: On the cultural meaning of Chinese art in Russia in the late 17th – early 18th centuries. *Frontiers of History in China*. 2018;13(1):127–159.
15. Deutsche Denker über China / Hrsg. A. Hsia. Frankfurt am Mein, 1985. 392 s.
16. Foust, C. M. Muscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and its setting. 1727–1805. Chapel Hill (N. C.), 1969. 424 p.
17. Lensen, G. Report from Hokkaido: The remains of Russian culture in Northern Japan. Hakodate, 1954. 216 p.
18. Lensen, G. The Russian push toward Japan: Russo-Japanese relations, 1697–1875. Princeton, N. J., 1959. 553 p.
19. Philippov, A. V. A glimpse of Japan in Old Russia – How to find ways and means to trade. *Topical issues of studying history, international relations and cultures of Oriental countries: Conference proceedings*. Novosibirsk, 2019. P. 42–46.
20. 殷剑平。早期的西伯利亚对外经济联系。哈尔滨: 黑龙江人民出版难舍, 1998. 242 页。
21. 李随安。洪流与溪涧: 中俄文化交流的不平衡问题 // 中俄关系的历史与现实。开封: 河南大学出版社, 2004. 页117–132.

Received: 8 February, 2021; accepted: 28 June, 2021